

1 / 5

И не вейся, кипиш не гони.
Нам латынь, как мёртвому — три парки,
Словно Зевсу — Anno Domini.

Путь не поспевает за прогрессом.
Lupus est-ы кушают и в лес.
Выйдешь в космос — будешь Геркулесом.
Выйдешь в люди — будешь Гриша Лепс.

Надпись размывается на камне:
Ubi bene — или — spiro dum?
Выпей с горя, пушкин, ну куда мне?
Взять кентавра и — в Караганду!

Прости, мой читатель

А моя говорит: — Не время ещё, дорогой, поживи, пожуй сушки,
будь мужиком, не скули, не проси, потерпи немножко.
Моя смерть — приветливая старушка,
ездит в трамвае, уступает дорогу кошкам.

А её говорит: — Подожди, доберусь до тебя по-скорому, выйдешь первой!
Напускает простуду, холод, летучих мышей и сов.
Её смерть — дрянная сука, стерва.
Водит лексус, давит беспечных псов.

И вот сидят они как-то вместе под ивой, не дышат, пьют херес,
курят кальян, читают мой текст про смерть.
Её говорит: — Моя-то давно уж вереск,
а ты со своим что тянешь, пора уж ведь?

Моя говорит: — Да пусть ещё пострадает, подёргается, попишет.
Смотри, как задвинул! Взаправду глаголят, что слово — не воробей.
Её говорит: — Господь не фраер, всё слышит.
Ну что, подруга, как скажешь, тебе видней.

— Тогда давай, — говорит, — С ветерком покатаю, восславим лесбос!
Моя говорит: — Эх, тряхну стариной, покатай!
Её говорит: — Ну, как тебе этот лексус?
Моя говорит: — Чего тут скажешь? Ясен пень — не трамвай.

И вот они мчатся беспечно пустынной дорогой "Урюпинск-Нирвана",
изрядно нетрезвы, подальше от наших мест,
а я внезапно пишу про дорожную яму,
добавив полночь, но вычеркнув знак "объезд".

Всего мгновенье — и смерть её стекает с бетонной ограды росой,
навек затихнув, не веря своей судьбе.
Небось считала, что раз бессмертна, то может ходить босою
по углям жизни и делать, что хочет.
Да хрен тебе!

А смерть моя — ещё ползёт и ладанит нетленным телом,
лишь горло булькает тьмой незасохших чернил,
и мне хрипит: — Ну вот... чего, дурачок, наделал,
кому и за что ты этими строчками мстил?

— Теперь, — хрипит, — Кранты тебе. Кто спасет твою душу?
А дальше — тише, не понял, и тут её хрип затих.
Вдруг чувствую — я превращаюсь в старушку
и еду в трамвае и кто-то читает мой стих.

Прости, мой читатель, я предал вереск и предал мёртвых.
Не знал, что выйдет так дико. За всё прости...
Я — смерть твоя, а ты — персонаж из новых,
и ты не знал, что нынче нам — по пути.

Ещё раз. Триптих

С престола Давн судил народ трудолюбивый...
□□□□□□□□ □□□□□□□□ Гораций "Памятник" (пер. Афанасия Фета)

1

Где в римских гротах коммунизм царил,
Среди толпы — потусторонний житель,
Читал блатным Горация старик —
Профессор, саботажник и вредитель.

В пижаме мятой, явно не в себе,
Не замечая крови, грязи, боли,
Он восклицал: "Всё будет зеленеть..."
И что-то добавлял про Капитолий.

Но было нечто в облике его,
И речь лилась так дивно и свободно,
Что понимали слога естество
И фраер вшивый и петух задротный.

"Нет, весь я не умру" — звенел топор
Отточенного слова. Все робели,
Не зная, что латинец — честный вор,

И срисовал красиво у Алкея.

Потом гремел засов, входил конвой,
Отрывисто зачитывали списки...
Когда его вели, над головой
У старика сиял венец дельфийский.

2

Его глаза слегка навывкате.
Врага, здороваясь, в упор
Рассмотрит, подчинённым "выкая",
Дымя Герцеговиной Флор.

Работы много, просто ого-го!
Боится дело мастеров.
Пока уносят заключённого,
Он молча с рук стирает кровь.

Вот васильковую фуражечку
Надел, задумчивый сидит.
А на столе картинка в рамочке
Какой-то женщины с детьми.

Вот встал, покончив с папиросою,
Звонит: — Мне "Эмку" побыстрее!
Берёт домой портфель с доносами,
Выходит бодро из дверей,

Где в коридоре трое с ружьями,
Смотрящими ему в живот,
Потребуют, чтоб сдал оружие.
И тут он в первый раз сморгнёт.

3

"Он провисел там двадцать лет", —
В толпе уборщица сказала.
Снимали Сталина портрет
На сцене актового зала.

Был крик и шум, был шум и крик
И драка между мужиками,
А заводской парторг охрип
И только разводил руками.

А рядом, со стены, в упор
лукаво ухмылялся Ленин,
А мужиков вели во двор
И увозили в отделение.

Ну а потом, когда затих
Звук битвы, мы присели в кресла.
Разлили водку на троих
И пели фронтовые песни.

Витёк кричал, что вот вам, хрен!
Не доросли ещё, шкелеты!
И вождь глядел ещё мудрей
С пятна от снятого портрета.

